

*Не знаю, кто меня позвал,
Кто жизнь мне в этом мире дал,
Мои родители иль нет,
Или же Бог мне даст ответ.
Но знаю то, что надо было
Родиться мне тогда для мира,
Ведь предназначенье мне дано
Великое, еще не знаю я его.*

— Солнце уже встало, пора идти, Бой. Кто рано встает, тому Бог подает.

Пес лежал, наострив уши, и следил за каждым моим шагом. Его зрачки, как две большие пуговицы, не выпускали меня из виду. Он ждал, когда я пойду первым, только потом выходил вслед за мной, прикрывая мой тыл. Бой всегда так делал на охоте, и я ему доверял.

Мы вышли из нашего жилища, и я плотно закрыл дверь. Кто его знает, может, они уже научились открывать ее. Прошли по длинному коридору, в котором то и дело слышались шорохи. Это крысы. Бой каждый раз пытался поймать их, но крысы были проворней, убежали в узкие щели в стене, в которые только эти грызуны и пролазили. Хотя пару раз Бою удавалось вонзить свои клыки в их тельца, которые впоследствии становились трапезой для моего пса.

Подойдя к лифтовой шахте, я открыл распределительный щит и поднял рубильник вверх, после чего перед нами открылась дверь лифта, которая показала картину вчерашнего дня: вся кабина была в зеленоватой жидкости. «Черт, надо бы убрать здесь», — подумал я, вспоминая ту тварь, которой удалось заскочить в лифт. Мы, конечно же, были против этого и выпроводили непрошеного гостя. Досталось ему и от меня, и от Боя, поэтому даже и не знаю, жив ли он. Лучше бы, конечно, сдохла эта тварь, одной меньше.

Я зашел в кабину, Бой, как всегда, постоял пару секунд, прислушиваясь и принюхиваясь, и, убедившись в безопасности, прыгнул ко мне.

— Сэр, вам какой этаж? Вверх? Замечательно, мне туда же.

Бой смотрел на меня и все понимал. Если бы мог говорить, то сказал бы мне, что эта шутка ему уже надоела. Я нажал кнопку, и мы тронулись. Бой, как обычно, лег на пол и наострил уши, пытаясь таким образом что-то услышать помимо шума, который исходил от движения лифта. Кабина уже почти поднялась, как вдруг раздался знакомый нам скрежет, и она резко остановилась. Затем снова начала двигаться, но медленно и с напряжением. Оно-то и понятно, столько времени прошло, а технического обслуживания этого подъемника никакого. Каждый раз это происходило все чаще и чаще, и мне казалось, что когда-нибудь он

остановится навсегда.

— Опять двадцать пять. Скоро застрянем здесь навечно и умрем на этих четырех квадратных метрах.

Бой, не отрывая головы от пола, посмотрел на меня своими задумчивыми глазами. С того момента, когда он начал взрослеть, Бой становился более серьезным. Еще щенком он мог позволить себе порезвиться, а сейчас не до игр, нужно выживать. Когда я его нашел, Бою было от роду несколько месяцев, но выглядел он вполне прилично. Бока округлые, глаза бодрые, и лай у него был звонкий — и это все среди полной разрухи.

Находясь в поисках чего-нибудь съестного, я заходил в разрушенные дома, в одном из которых и нашел Боя. Он проскользнул мимо меня, и я, подумав, что это крыса, последовал за ним. Ведь там, где эти грызуны, обязательно должна быть еда. И когда повернул за угол, к своему удивлению, обнаружил щенка, который сидел и смотрел на меня своими глазами-пуговицами. Наверное, впервые видел человека. Я развернулся и пошел обратно, но после нашей встречи щенок увязался за мной. Он пытался догнать меня, пробираясь через завалы, и я бы так и ушел, если бы не услышал позади звук бьющегося стекла. Когда я обернулся, щенок остановился и сел. Он смотрел на меня виновато и ждал, что будет дальше. Я подошел к нему, присел, посмотрел на «беспорядок», который устроил этот малыш, и, погладив по голове, сказал:

— Бой.

С тех пор мы всегда вместе.

Наконец лифт доехал, и когда мы убедились в безопасности, я открыл дверь. Подошел к распределительному щиту и отключил электричество. Во всем городе его не было, но здесь оно было и обеспечивало наше жилище светом и теплом. По вечерам я видел вдалеке огоньки, но что это, огонь или электрический свет, можно было только догадываться.

Мы пробрались через развалины здания и вышли на улицу. Именно пробрались, потому что здесь такая разруха, что никто даже и не пойдет сюда, сам черт ногу сломит. Мы случайно попали в это место, когда убегали от одной из этих тварей. Хотели спрятаться и нашли лифт, который, к нашему счастью, оказался в рабочем состоянии. Мы спустились и остались на ночь в этом укрытии, а позже, тщательно

обследовав новое место, поняли, что нашли подземный бункер с запасами еды и воды.

Вот он — свежий воздух. Ну как свежий, не такой, как был раньше, но после бункера здесь дышится легче. Сразу чувствуешь в легких прилив кислорода, которого так не хватает там, под землей.

Мы пошли по тропинке, которую уже протоптали за долгие месяцы. Раньше здесь была дорога, по ней ездили машины, а сейчас только эта тропа, а вокруг одни кирпичи и бетонные плиты, которые когда-то были стенами зданий. Можно было идти смело, не боясь нападения, так как сюда редко кто заходил, потому что только мы знали, где нужно перепрыгнуть, а где проползти. Лабиринт.

Мы вышли за территорию завода и остановились. Перед нами предстало небольшое поле, за которым стоял лес. Осмотревшись и оценив обстановку, мы двинулись дальше начали наше восхождение на гору. Подъем был не крутой, но все же он занимал продолжительное время. И весь путь от завода до леса Бой пробегал играючи, он радовался тому, что на время можно отвлечься от повседневной жизни. Куда-то убегал, вынюхивал, рыл землю, видно, что-то учуяв в ее недрах, и возвращался.

Мы поднялись на вершину холма и остановились. Впереди был лес, в который мы и направлялись, а позади, за заводом, — город, точнее то, что от него осталось. Полуразрушенные здания, впопыхах брошенные автомобили, пустые улицы, заросшие травой, которая пробивалась через асфальт, — все это — результат падения на Землю метеорита. До последнего никто не верил, что он упадет: ученые всего мира, просчитав его траекторию, твердили, что космический объект пролетит мимо Земли, но случилось обратное.

Метеорит упал вдали нашего города, но он был такой большой, что ударной волной разрушил весь населенный пункт. Жизнь остановилась мгновенно, и в прямом, и в переносном смысле. Большая часть населения погибла сразу, а оставшиеся не знали, что делать, как себя вести в такой ситуации: хаотично бегали, кричали, звали на помощь, которую неоткуда было ждать. В один миг все перестало работать. Не было никакой связи, никакого транспортного сообщения, все дороги были завалены разрушенными зданиями и деревьями, да и сам транспорт практически весь был уничтожен. Оставшиеся в живых люди

были предоставлены сами себе.

Если первые дни после катастрофы были прожиты на эмоциях, то последующие уже давались тяжело. Подступал голод. За пропитанием люди ринулись, конечно же, к разрушенным магазинам, где продуктов питания оказалось предостаточно, на первые месяцы хватило. Но когда еду стало трудно находить, начались ожесточенные драки за нее, которые заканчивались иногда даже убийствами. В городе появились мародеры, даже целые банды, не щадящие никого, кто попадался им на пути. Если ловили, то пытали до полусмерти, чтобы узнать, есть ли какая еда. И неважно, была ли она, все равно можно было попроситься с жизнью. Либо оставляли замученного, а после их пыток шансы выжить были нулевыми, либо добивали, а оружия у них хватало как холодного, так и огнестрельного.

Но самое интересное то, что наш город остался отрезанным от остального мира. Мы не знали, что происходило в других местах, связи никакой не существовало, и доехать никуда нельзя было. А если кто и уходил пешком или уплывал по морю, то не возвращался. И к нам никакая помощь не приходила.

С наступлением зимы стало еще хуже, к голоду добавился холод. Кто не успел найти какое-нибудь убежище либо построить его, попросту замерзали, и долго такие трупы, конечно же, не лежали. Либо их съедали дикие звери, которые частенько заходили в разрушенный город, либо собаки, некогда преданные человеку. Доходило даже до каннибализма.

Мы прошли пару сотен метров и вошли в лес, если его можно было так назвать. Это были непролазные джунгли. Почти все деревья были повалены, но они не лежали на земле, а висели, зацепившись друг за друга, и при этом были живыми и зеленели. Поэтому питаться животным было чем, и в лесу можно было встретить как травоядного, так и опасного хищника.

Шли мы по своей тропе, которую протоптали за долгие месяцы. По пути нам попадались ягоды, которые я тут же съедал, и грибы. Их я брал немного, так как складывать было некуда, все-таки не за грибами пошли. Но бывало, что я увлекался ими и собирал очень много, тогда оставлял их в одном месте, и если возвращался с охоты с добычей, не имея возможности захватить грибы, то забирал их на следующий день.

Бой всегда пропадал из вида: то он шел впереди, ведя меня за собой, то сзади, прикрывая мой тыл. Но я всегда чувствовал его присутствие, даже если Бой и не был в поле моего зрения, знал, что на меня никто не нападет, потому что нюх и слух у моего пса были отменные.

Около километра мы шли по лесу и, наконец, пришли. Вот они — наши ловушки. Это были ямы диаметром метра три, прикрытые ветками, на дне которых торчали заостренные палки. Глубина такой ловушки была около пяти метров, поэтому если кто и оставался в живых, что случалось очень редко, выбраться было невозможно. Только я мог спуститься туда и подняться обратно, так как у меня была веревочная лестница, которую я сам и сделал. Один ее конец привязывал к дереву, а второй — спускал, таким образом и доставал нашу добычу. И очень радовался, когда в ямах обнаруживал этих тварей.

Мы проверили три ловушки, и все они оказались пустыми. А вот в четвертой был заяц, который, видимо, недавно попался, так как был еще теплый, да и кровь сочилась из раны. Когда подошли к пятой ловушке, то обнаружили там его — плотоеда.

Они появились через несколько месяцев после падения метеорита и сразу навели ужас на всех людей, потому что смотреть на то, что оставалось от их жертв, было невыносимо. А это оторванные части тела, которые были пережеваны ими и выплюнуты обратно, в основном оставались одни кости, а также головы, чаще всего расколотые на две части. Позже я понял, что они съедали только мягкие ткани и внутренние органы. Плотоеды были похожи на птенцов без оперения, которые только вылупились. Спина их была покрыта броней, как у жуков, брюхо же было в каких-то маленьких чешуйках. Задние лапы, на которых они, собственно, передвигались, были сильные и длинные, поэтому плотоеды были настоящими спринтерами. Убежать от них было практически невозможно, особенно там, где не было никаких препятствий. Передние лапы были короткими и представляли собой круглые конечности у основания, которые заканчивались плоскими острыми пластинами, чем-то похожими на кинжалы, свисающие вниз. Они в основном не функционировали, но иногда поднимались и выпускались вперед, и не дай бог напороться на них, острые как бритва. У них были большие черные глаза, которыми плотоеды очень хорошо

видели в темноте. Слух также был хороший, но каких-либо ушных раковин я не замечал. Рот представлял собой крепкий длинный клюв, острый на конце. Им они и раскалывали черепа людей и животных, словно орехи. Внутри было много зубов, также острых как бритва. Плотоеды использовали их только для того, чтобы отрывать куски мяса, не жевали, а проглатывали целиком. Появлялись они в основном ночью, света боялись, но через некоторое время стали показываться и днем, постепенно привыкая к солнцу. Поэтому все дела делались в светлое время суток, а ночь была во власти этих тварей. Люди прятались в свои убежища, мини-крепости, которые среди развалин было очень трудно отыскать. И не дай бог кому-нибудь не успеть спрятаться до темноты. Шансы на то, чтобы выжить, оставались минимальными. Я не раз слышал душераздирающие крики их жертв, когда сам в последний момент успевал прибежать к лифту. Это было ужасно и невыносимо, я закрывал уши. Но крики эти все равно оставались в моей голове и не давали мне покоя. Ночь для меня оказывалась бессонной.

Попавшийся в ловушку плотоед был мертв, заостренные палки сделали свое дело.

— Пойдем, Бой, здесь уже делать нечего. Завтра начнем копать новую яму.

Бой подошел к ловушке, где лежал плотоед, и начал задними лапами грести землю, засыпал яму. Он всегда так делал, уж очень не любил этих тварей.

В лесу мы провели практически целый день. Возвращаться в бункер не хотелось, там замкнутое пространство, земля давит сверху, а здесь полная свобода.словно узник, вырываешься из своей темницы. Обратнo мы шли другой тропой, у которой росли ягоды и грибы. Было очень много черники, поэтому я наелся вдоволь и еще с собой прихватил. Было очень тихо, я бы даже сказал, подозрительно тихо. Все это настораживало, поэтому мы с Боем были начеку.

Вдруг раздался шелест листьев и хруст веток метрах в пятидесяти от нас, и я увидел бегущего человека, который пронесся очень быстро. Следом за ним бежал плотоед, издавая писклявые звуки, с помощью которых звал других таких же.

— Да-а, шансы на то, чтобы выжить, у него небольшие, но бегают он быстро. Может и убежать в лесу, а в поле вряд ли удастся, а оно как раз

в той стороне, куда они направляются. Ну, не наше дело, всех-то не спасешь, самим бы остаться в живых. Пошли домой, Бой. Только осторожно, чтобы не попасться на глаза этому плотоеду.

Пройдя немного, мы вышли на опушку леса. Метрах в ста от нас стояла разваленная башня, бывшая метеостанция, а возле ее стен прыгал плотоед, пытаюсь забраться наверх. Я присмотрелся и увидел на самом верху башни девушку. На некоторое время я застыл, давно не видел человека так близко. Недолго думая, я свистнул, тем самым привлек внимание плотоеда. Он повернулся в нашу сторону и устремил свой взор на нас. Его глаза казались такими черными, словно бездна, сверкали и были налиты жаждой смерти. Они внушали страх, а его плотоеды чувствовали и с еще большей ненавистью расправлялись со своими жертвами. Поэтому я старался не бояться и не выдавал себя, но, увидев, что он начал бежать в нашу сторону, я крикнул:

— Бежим, Бой. Быстрее.

Я со всех ног помчался обратно в лес, Бой — следом за мной. В моей голове сразу же возник план: «Ловушки». Бой мчался возле меня и, кажется, понял мой замысел, потому что, не глядя на меня, неся в сторону наших ям. Плотоед приближался к нам, но я почему-то не слышал его писк. Наверное, он все свои силы бросил на то, чтобы догнать нас, и поэтому не издавал ни звука.

«Вот она, наконец-то», — подумал я, увидев впереди ловушку. Мои силы были на исходе, поэтому я чувствовал, что эта тварь меня догоняет. Подбежав к ловушке и собравшись с последними силами, я прыгнул через нее, упал и покатился кубарем. Быстренько встав на колено, повернулся назад, чтобы посмотреть на плотоеда. Он понял, что впереди яма, но было уже поздно, поэтому резко ушел вниз, как сквозь землю провалился, но успел еще издать писк. Мы с Боем подошли к ловушке. Плотоед все еще был жив, но оставалось ему недолго, острые палки сделали свое дело, и из его ран вытекала кровь. Бой, как обычно, подошел к яме и начал засыпать ее, празднуя таким образом свою победу.

— Идем домой, Бой. Темнеет уже. Скоро сюда сбегутся остальные твари, и тогда нам несдобровать.

Мы вышли из леса, когда уже были сумерки. Я посмотрел на метеостанцию, в надежде увидеть там девушку, но ее не было.

«Наверное, убежала, не дождавшись своих спасителей», — подумал я, и мы двинулись дальше быстрым шагом. Прошли метров сто, как вдруг сзади послышалось:

— Стойте!

Я остановился. Непривычно было слышать человеческий голос, давно не встречал людей, и, тем более, так близко. Только издалека иногда видел кого-то, но подходить не решался. Кто его знает, что на уме у этих людей, ведь хватало всяких, которых лучше всего обходить стороной. Я повернулся и увидел силуэт человека, медленно приближавшегося к нам. Бой сразу же стал передо мной и принял оборонительную позу, готовый защищать меня.

— Бой, не трогать, — сказал я и вышел вперед, чтобы незнакомка могла подойти поближе.

Она остановилась в трех метрах от меня, и я сразу почувствовал ее запах. И это были не духи, а всего лишь запах пота. Свой почему-то не так врезался в нос, а вот чужой...

Передо мной стоял человек, а я уже давно не видел так близко людей, и этот человек был женского пола. Я смотрел на нее, как на экспонат в музее, и в какой-то момент мне стало даже как-то неловко. Словно дикарь, впервые увидевший человека. Так и смотрел, если бы она не заговорила первой.

— Где я нахожусь? Какой это район?

Ее голос зазвучал как мелодия, звонкий и приятный, и я даже потерял дар речи, наслаждаясь звуками, которые доносились из ее уст. Ведь для меня эта встреча была значимым событием. Уже год я ни с кем из людей не общался, а тем более с девушкой.

— Промзона, — ответил я.

— Промзона? Не может быть. Это же так далеко.

Она, видимо, очень сильно разочаровалась, что находится в этом районе. Незнакомка выглядела растерянно и не знала, что делать, смотрела по сторонам, пытаясь, наверное, взглядом отыскать хоть что-то ей знакомое. Но в сумерках уже трудно было хоть что-то различить, а особенно вдалеке.

— Скоро ночь. В любом случае идти куда-нибудь уже опасно. Идем с нами.

— Куда с вами? — спросила девушка настороженно.

— Да не бойся. Мы тебя не обидим. Нужно убираться отсюда в укрытие, плотоеды выходят на охоту. Идем. Сейчас нет времени на разговоры.

Я повернулся и пошел в сторону своего «дома», Бой последовал за мной. Незнакомка постояла пару секунд и, услышав вдалеке звуки плотоедов, заспешила за нами.

— Подождите!

Я сидел возле камина и присматривал за кастрюлей, в которой варилась гречка. Каминком я называл самодельную печку, которую соорудил из обломков бетонных блоков. Щели замазал глиной, а дым с помощью трубы направил в отверстие в стене. Наверное, вентиляционное, но это меня мало волновало, главное, в помещении было тепло и безопасно. Дрова, которых мне было достаточно для того, чтобы приготовить пищу, я приносил из леса. В бункере было тепло даже зимой, поэтому условия здесь были вполне комфортные, если можно было так сказать. Еды тоже хватало, особенно гречки и риса. Соль была, и даже сахар, поэтому приготовить можно было со вкусом. А главное то, что была здесь и тушенка на любой вкус: свинина, говядина и даже индейка — но она нам уже поднадоела, и мы ходили с Боем на охоту, чтобы поесть свежего мяса. В общем, нам повезло, когда мы нашли это место, жить можно было припеваючи, по сравнению с тем, что творилось наверху.

Незнакомка сидела на моей кровати, которая представляла собой пять матрасов, сложенных в одну стопку. Их я тоже нашел в бункере и в немалом количестве. Девушка сидела скромно, держа ноги вместе и слегка наклонив их в сторону. Она осматривала мое жилище, хотя смотреть-то здесь нечего было. Картины на стене не висели, ковры пол не устилали, да и люстры из хрусталя не освещали мои хоромы. Голые стены и тусклый свет, который исходил только от лампочки над выходом и от огня, играющего в моем камине. И только здесь я смог лучше разглядеть незнакомку. Милое овальное личико, как мне казалось, идеальное, правильной формы, которое может быть только у ангелов. Большие черные глаза, опоясанные вокруг длинными ресницами. «Макияж», — подумал я. «Да ну. Здесь такое творится вокруг, что некогда. Хотя кто ее знает, ведь она девушка. Всегда хочется выглядеть хорошо». Остренький носик выглядел совсем маленьким по сравнению с глазами, зато гармонировал с узкими губами. Густые русые волосы повторяли контур лица и заканчивались в районе плеч, слегка закрученные в стороны. Узкая талия, небольшая грудь — все это подчеркивала одежда, которая прилегалась к телу. Видно было, что она вела активный образ жизни, поэтому телосложение у нее

было спортивное. Она чувствовала себя неловко в новой обстановке, но, осмотревшись вокруг, все же первая начала разговор.

— Спасибо за помощь.

— Пожалуйста, — ответил я.

Немного помолчав, девушка снова начала:

— Я думаю, он не достал бы меня с этой башни, — сказала она и посмотрела на меня вопросительным взглядом.

— Не достал, хотя прыгают они высоко. Он ведь все равно не оставил бы тебя в покое. Позвал бы всех своих дружков, и ходили бы вокруг башни. А без еды и воды долго не протянешь. Только если днем убрались бы оттуда.

Я взял тряпку, некогда бывшую полотенцем, и достал из камина кастрюлю, гречка была уже готова. Взял два одноразовых стаканчика и наложил в них кашу. В один из них положил ложку и протянул незнакомке.

— Бери. Набирайся сил. А то, наверное, немало их истратила после такого марафона с плотоедом. Но бегаешь ты отлично, как пуля. Спортсменка, что ли?

— Почти.

— Это как — почти? — спросил я, выпив гречку из стаканчика. Именно выпив, так как ложка у меня была одна, поэтому кашу высыпал прямо в рот.

— Хобби: зарядка, бег, йога. Чтобы быть в форме.

— Утренняя пробежка с плотоедами, — продолжил я.

Девушка улыбнулась. После этого обстановка разрядилась и стала более уютной для разговора.

— Да-а, забежала я далеко. Мне обязательно нужно вернуться.

— А куда вернуться?

— В военный городок. Точнее, то, что от него осталось. В общем, неважно, мне нужно обязательно попасть в тот район.

— Так это же другой конец города. Как ты собираешься туда вернуться? Ночью — плотоеды, а днем — банды.

— Как-нибудь. Перебежками. Здесь я точно не собираюсь оставаться. В гостях, конечно, хорошо, не на улице, но дома лучше.

— Как ты вообще сюда попала из военного городка? Это же... сколько нужно бежать.

— Долгая история.

— Ну, ничего, я послушаю. Мне давно никто ничего не рассказывал. Вот уже год, как я ни с кем из людей не общался.

— Год? — удивленно спросила она, и глаза ее стали, кажется, еще больше. — Целый год ни с кем не разговаривал?

— Ну почему ни с кем? С Боем, — я кивнул в сторону собаки. — Он меня прекрасно понимает. И я его.

Бой понял, что говорили про него. Он поднял голову и наострил уши, готовясь, тем самым, слушать наш дальнейший разговор.

— Я бы, наверное, с ума сошла от одиночества.

— Ну, может и я сошел бы с ума, если бы компанию мне не составил Бой, — сказал я и потрепал своего друга по голове. — А ты, что ли, не одна?

— Не одна, — ответила она, посмотрев мне прямо в глаза. — Нас семеро... Было, — и опустила голову.

— Было? А сейчас сколько?

— Уже меньше, — глубоко вздохнув, сказала незнакомка.

— И где же вы живете там, в военном городке?

— В подземном складе, на территории войсковой части.

— Нашли же этот склад как-то.

Девушка посмотрела на меня, как будто раздумывая, стоит ли мне все рассказывать. На несколько минут в бункере воцарилась тишина. Ее прервал только треск догорающих дров в камине и чавканье Боя, решившего поужинать гречкой. Я вытянул затекшие ноги и прильнул спиной к стене. Моим стулом был деревянный ящик, сидеть было неудобно, поэтому спина тоже ныла. Но я был весь в предвкушении рассказа и ожидал его начала. Моя гостыя поставила пустой стаканчик возле кровати и прилегла, облокотившись на нее. Ноги ее остались стоять на полу, хотя я был точно уверен, что она с удовольствием сменила бы их положение. Девушка уловила мой вопрошающий взгляд и поняла, что мне можно доверять.

— Нас с мамой папа туда привел за несколько часов до катастрофы. Он знал о ней, военный ведь, а они всегда знают больше, чем обычные люди. Поначалу нас было больше, человек двадцать: кто-то тоже свои семьи привез, ну а кто-то успел заскочить во время самой катастрофы. Потом нас стало семеро: я, мои родители и четыре солдата. Ну а сейчас

и того меньше, — сказала она с грустью. — Остальные погибли от плотоедов и от рук этих мерзких банд.

— Да, этих отморожков лучше всегда стороной обходить, — сказал я, зная об ужасных преступлениях, которые они совершали.

Видно было, что моя гостья устала, да и я с удовольствием поспал бы. День выдался не из легких, особенно его концовка. Убегая от плотоеда, пришлось включить спринтера, иначе он меня точно догнал бы. Хорошо, что наши ловушки были недалеко. Но я заметил, что плотоеды начали умнеть. Если раньше они вели себя как животные, то сейчас, мне кажется, стали думать на уровне человека. И это, наверное, для них еще не предел.

Я встал и подошел к пластиковым девятнадцатилитровым бутылкам. Половина была уже пустой, но две еще были наполнены водой. Ее я набирал здесь же в бункере, в другом помещении. Наверное, была скважина, так вода была холодная и чистая. Я налил в стаканчик и подошел к девушке, протянув ей прохладный напиток. Она с удовольствием его взяла и мгновенно осушила стакан. Я еще подумал, почему не предложил ей раньше, может она давно хотела пить, да стеснялась попросить. И где только мои манеры?

— Нужно уже спать ложиться, завтра подумаем, как лучше добраться до военного городка. Утро вечера мудренее, — сказал я, садясь на свой стул.

— Мне думать некогда, я завтра же утром отправляюсь в путь, — отрезала моя гостья.

— А почему такая спешка?

— Потому что... — девушка смотрела мне в глаза, а после отвела их в сторону. — Потому что очень надо. Беспокоюсь за своих родителей. Тем более я не знаю, что с моим отцом.

— А что с ним произошло? — спросил я и взбодрился, так как мои веки тяжелели и норовили сомкнуться.

— Мы разбежались с ним в разные стороны. Пошли в лес на охоту, а нас застали врасплох плотоеды. Их было, наверное, штук десять. Мы не ожидали столько увидеть, тем более днем. Встречали раньше в светлое время суток, но максимум двоих, а тут целая стая. Одного солдата сразу убили, так как он был ближе всего к ним. Плотоеды отрезали меня от папы и второго солдата и сами разделились на две группы. Отец хотел

прорваться ко мне, но у него не получалось, поэтому он крикнул, чтобы я бежала. Со всех ног рванула с места и последнее, что увидела, это то, как плотоеды разорвали на части второго солдата, — девушка замолчала на минуту, и ее глаза начали наливаться слезами. — Я уже не видела отца, так как бежала сломя голову, но слышала звуки выстрелов, которые по мере моего удаления становились все тише. Это папа отстреливался. Я даже не знаю, что с ним, жив ли он, потому что я убежала так далеко, что уже не слышала ничего позади, только плотоеды издавали за моей спиной свой писк. Они меня точно догнали бы и сожрали, ведь у меня не было никакого оружия, и пришлось бы отбиваться только голыми руками. Но мне повезло, крупно повезло, — моя гостья сказала это и глубоко вздохнула, видимо, переживала снова те моменты. Она положила, наконец, ноги на кровать, только обувь свисала, и, как мне показалось, немного раскрепостилась. — Впереди была река, а они почему-то в воду не лезут, поэтому я нырнула не раздумывая. Выбравшись на берег, побежала дальше, не могла ни видеть, ни слышать этих плотоедов. Силы меня практически покинули, и я не знала, что мне делать, куда идти, и, тем более, уже темнело. Нашла какую-то землянку, забралась туда и сразу уснула.

— И что? Целую ночь провела одна в лесу? — спросил я и встал со стула, чтобы размять кости.

— Да. Я просто отключилась и проснулась только утром.

Я прошелся по комнате, переваривая рассказ девушки. Представил себя на ее месте. Один в темном лесу, а вокруг бродят эти твари. Хотя ей и некогда было думать об этом после всего, что она пережила. Хорошо, что сама цела осталась.

Я взял еще несколько ящиков и поставил их рядом со стулом, соорудив себе таким образом кровать. Я, конечно, мог бы принести матрас, но это нужно было идти в другое помещение, а мне совсем не хотелось выходить. Бой спал крепким сном и только подергивал иногда губами, видно, снилось что-то. Я лег на ящики. Было, конечно, неудобно, но все же лучше, чем сидеть.

— Ты собираешься спать на этих ящиках? — спросила девушка.

— Конечно. Да где я только ни спал в свое время. Все же удобнее, чем на полу, — ответил я, растянувшись на кровати во весь рост.

Девушка встала с матрасов и сказала:

— Так бери матрас, у меня их вон сколько!

Она сосчитала матрасы и вытянула два верхних мне.

— Да ладно, я и так усну, — сказал я и закрыл глаза.

— Да бери, говорю тебе. Мне и трех хватит. Не принцесса.

Я встал с ящиков и подошел к гостье. Оказавшись рядом с ней, увидел, что глаза у нее заплаканные. Наверное, очень переживала за отца, любила его. Я прекрасно ее понимал, ведь свою маму я тоже очень любил. А когда случилась катастрофа, места себе не находил. Я знал, что она пошла за покупками, но куда именно? Я бегал с одного места в другое, куда обычно мама ходила, искал ее под развалинами, целый месяц так ходил в надежде найти ее живой, но тщетно. Ни слуху ни духу. Вообще никаких новостей о ней.

Я положил матрасы возле ящиков и лег, расслабился полностью. Девушка легла на свою кровать и смотрела в потолок.

— Знаешь, я думаю, это была засада, плотоеды уже ждали нас, — сказала она.

— Может, и ждали. Вообще, я заметил, что они умнеют прямо на глазах. И приспособляются к окружающей среде постепенно.

— Надеюсь, с ним все в порядке. Он не может вот так погибнуть. В каких ситуациях он ни оказывался — всегда выходил из них целым и невредимым, — успокаивала сама себя девушка.

— Конечно, живой. Найдешь своего отца обязательно, — подбадривал я. — А сейчас лучше всего отдохнуть.

— Ты прав. Но я все равно не смогу уснуть.

Девушка легла набок в мою сторону и закрыла глаза. Я тоже лежал спиной к стене и смотрел на нее. После ее рассказа об отце мне вспомнилась мама. Как бы хотелось сейчас обнять ее, поцеловать, да хотя бы просто увидеть и поговорить с ней. До сих пор очень скучаю. Она была мне не только мамой, но и очень близким другом. И сейчас только Бой является для меня таким.

— А как тебя зовут? — спросил я у девушки негромко, боясь, что, возможно, она уже уснула.

— Соня.

— Соня, — повторил я и вспомнил, что мама называла меня так всегда, когда будила по утрам. — А меня Максим.

Я встал пораньше, чтобы проводить отца. Он улетал в командировку за рубеж. Для нас с мамой это было обычным делом, потому что папа работал в крупной строительной компании инженером. Строил различные сооружения по всему миру, так как был хорошим специалистом в своем деле. На работе его ценили и уважали и не раз предлагали пойти на должность повыше, но он отказывался. Говорил, что ему нравится его работа с чертежами, и максимум, на что он согласился, — это должность начальника отдела.

Я оделся, заправил кровать и прилег. До отъезда еще оставалось время, поэтому я не спешил. Мне все равно не спалось, как, впрочем, и всю ночь. Я всегда не мог уснуть перед отъездом отца. Много думал о нем, о том, что мы сделали за время, которое он был дома, ведь приезжал-то он только на две недели максимум, а то и вовсе меньше бывал дома и уезжал снова в командировку строить новые сооружения. Поэтому его межкомандировочное время мы пытались проводить вместе по максимуму. Я всегда завидовал тем ребятам, у которых отцы никуда не уезжали. Ведь это так здорово — находиться вместе так много времени, сколько можно планов реализовать! Но, с другой стороны, если подумать, наверное, мы не были бы так близки, как сейчас. Потому что ожидание встречи после долгой разлуки всегда было радостным событием как для меня, так и для отца. Это был праздник для всей нашей семьи. Мы с мамой, как обычно, накрывали стол с различными вкусностями, особенно с теми, которые любил папа, а он привозил нам из командировки подарки. И за время пребывания дома отец успевал уделить всем внимание: и маме, и мне, и даже своим друзьям. Я прекрасно понимал, что ему хочется отдохнуть, поэтому сильно не навязывался. И если мы что-то не успевали сделать, то переносили планы на следующую нашу встречу. Но в душе я все-таки расстраивался, что у нас было так мало времени.

Я встал и подошел к окну. На улице было уже светло, и поэтому можно было увидеть редких прохожих. Кто-то, наверное, шел на работу, кто-то бежал неспешно, занимаясь спортом, ну а кто-то просто шел по своим делам. Улица начинала оживать, правда, не так быстро, как в будний день, но все же город просыпался после тяжелой рабочей

недели. Люди в выходные отдыхали по-разному. Одни с удовольствием проводили это время на своем приусадебном участке, другие целый день были дома, лежали на диване, смотрели телевизор, даже не появлялись за выходные на улице, третьи любили активный отдых: стадион, бассейн или просто городской парк, и были те, кто ждал вечера, чтобы пойти в какое-нибудь увеселительное заведение и потусоваться там по полной программе. В общем, у каждого было свое представление о релаксе.

Я открыл окно, и в комнату ворвался легкий ветерок. Шторы сразу начали трепетать, как будто волны в большом океане, с полок слетело несколько бумажных листов, которые плавно опустились на стол и пол, словно парашюты, а модель самолета, которая висела на леске, прикрепленной к потолку, так и норовила вырваться из плена и улететь высоко в небеса. Этот ветер принес запах улицы: скошенная трава с соседнего участка, выхлопные газы проезжающих мимо машин и новенький асфальт, который только вчера положили возле нашего дома. И этот запах был более реалистичным вместе с живыми, настоящими красками, которые выглядели ярче, чем через стекло окна. И всю эту утреннюю гармонию дополняли уличные звуки, которые по моему приглашению резко вторглись в небольшую комнату.

Посмотрев на часы, я удивился. Прошел целый час после моего пробуждения, и пролетел он как-то незаметно. Да-а, ну и бежит время. Для меня оно ускорилося в старших классах школы, а до этого шло как-то размеренно, спокойно, или я, может, не придавал этому особого значения? Наверное, из-за того, что я был ребенком, а в детстве вообще по времени не живешь. Как ушел с утра играть с друзьями, так и пришел вечером, только иногда забегаешь домой, чтобы перекусить, и обратно на улицу. А мама все уговаривает, чтобы сел и поел нормально, но где уж там, когда друзья ждут.

Я спустился со второго этажа. Мама крутилась на кухне, готовила завтрак, а папа был в гостиной, собирал вещи в дорогу, поэтому я сразу направился в ванную комнату и только потом показался на глаза родителям.

— Доброе утро, мам! — крикнул я, проходя мимо кухни, и направился к папе.

— Доброе утро, сыночек! — отозвалась мама.

Я зашел в комнату, когда папа обматывал свой чемодан пленкой.

— Доброе утро, папа.

— Доброе утро, — сказал он, не отрываясь от своего дела.

— Ну как? Готов?

— Конечно. Я всегда готов. Если бы не стирать одежду, то можно было бы и не распаковывать чемодан вообще между моими командировками.

— Это точно, — сказал я, глубоко вздохнув.

Папа закончил свое дело и подошел ко мне. Обняв меня за плечо, сказал:

— Ты снова расстраиваешься по поводу моего отъезда?

— С чего ты взял? Все в порядке.

— Да я же вижу.

Он повернулся ко мне лицом и посмотрел в глаза. Я знал этот его взгляд. Им отец всегда говорил, что сам сожалеет о том малом времени, которое провел с нами. Он чувствовал себя виноватым и пытался разговором разрядить обстановку.

— Скоро будут каникулы новогодние. Может, съездим куда? Как ты на это смотришь?

— Можно и съездить.

— Поваляться на пляже где-нибудь, отведать свежих заморских фруктов...

— Да нет. Лучше давай съездим куда-нибудь в горы. На лыжах покататься.

— Ну, давай на лыжах. Только ты будешь сам с мамой договариваться. Знаешь ведь, она не любит холод. Ей лучше на теплом солнышке понежиться.

— Хорошо. Это беру я на себя, — сказал я, встрепенувшись, наконец, от своего грустного настроения. Мне всегда нравилось брать на себя роль переговорщика, и поэтому папа говорил мне, что у меня задатки дипломата.

— Договорились, — сказал отец и пожал мне руку.

— Ребята, пора завтракать! — крикнула мама из столовой.

— Уже идем, — ответил папа. — Пошли, нужно подкрепиться. Особенно мне перед дальней дорогой, — сказал он, обратившись ко мне.

Мы перешли в столовую и сели за стол. Завтрак выглядел аппетитно, да и на вкус он оказался таким же. Мама всегда готовила очень вкусно, ей нравилось баловать нас различными блюдами. Кажется, я перепробовал кухни всех народов мира, чего она только ни делала, и если бы она участвовала в каком-нибудь кулинарном поединке, точно заняла бы первое место.

— Ну что? Снова нужно месяц нам потерпеть без тебя? — спросила мама, устремив свой взор на папу.

— Чуть больше, — ответил отец, проглатывая свой завтрак. — Еще плюс дней десять где-то.

— Значит, в начале октября нам ждать тебя? — все расспрашивала мама.

— Да. В первых числах буду дома.

Дальше все молчали и продолжали завтракать. Только телевизор рассказывал свежие новости со всего мира. Мы всегда его включали по утрам как фон. Там можно было узнать не только новости, но и какие-нибудь полезные советы, а также погоду на предстоящий день.

— Спасибо, мама, все было очень вкусно, — сказал я, закончив свою трапезу и поцеловав маму.

— Согласен. Завтрак был просто супер, — добавил папа. — Очень буду скучать по твоей кухне.

— А по мне? — спросила мама.

— По тебе в первую очередь, — сказал отец, встав из-за стола, обняв и поцеловав маму.

— Но ты не беспокойся. Я тебе собрала с собой немного. На пару дней хватит.

— Это ж сколько ты собрала, что на пару дней хватит?

— Немного. Приедешь на место — поставишь все в холодильник. А там голод даст о себе знать, быстро все опустошишь.

Я убирал посуду со стола и любовался своими родителями. Они очень любили друг друга. Даже представить себе не мог, как родители выдерживают время разлуки. Мои отношения с отцом — это одно, а здесь — два любящих друг друга человека, которые пронесли это чувство через все невзгоды и сохранили его по сей день. Не всем это дано, но мои родители смогли.

Было уже около девяти часов, поэтому мы решили собираться. Мама

убирала в столовой, а я пошел в гараж, чтобы подготовить машину к нашему отъезду. Папа в это время проверял свой багаж и вспоминал, все ли он взял. Я выгнал машину из гаража и пошел в дом, чтобы помочь отцу вынести его чемодан и сумки, мама уже переоделась и прихорашивалась. Загрузив все в машину, мы ждали ее во дворе.

— Ну как? Готов к учебе? — начал он.

— Готов. С нетерпением жду начала нового года.

— Что? Соскучился по учебе?

— И это тоже, но не только. Друзей хочется увидеть, а то разъехались после сессии кто куда и все. Только в интернете переписываемся.

— Друзья — это хорошо. Как говорится: не имей сто рублей, а имей сто друзей. Ну а учеба, я вижу, тебе нравится.

— Да. На этом фронте у меня все в порядке. Тем более, есть у кого учиться, у самого отца — лучшего специалиста в этой области, — сказал я с гордостью.

— Да ладно, не преувеличивай, — засмутился папа. — Лена, ты скоро? А то пора уже выезжать, — крикнул он громко, в надежде, что мама услышит в открытую дверь или окно.

— Иду, — донеслось откуда-то из глубины дома.

Мы сели в машину. Папа был за рулем, он любил водить автомобиль. Особенно когда мы ехали в аэропорт, чтобы насладиться вождением перед отлетом, ведь долгое время ему приходилось обходиться без этого, а там, на работе, его возил водитель. Поэтому когда папа был дома, машина принадлежала только ему, и никто не смел сесть за руль в его присутствии. А мы с мамой, в общем-то, не возражали.

Дорога в аэропорт заняла около получаса, и мы уже стояли возле терминала. Мама, как обычно, обнимала папу и смотрела на него пожирающим взглядом, пытаюсь, наверное, насладиться его присутствием перед долгой разлукой. Отец вел себя спокойно и не выдавал своих эмоций.

— Ну что, дорогие мои, пора прощаться, — сказал он, взяв нас мамой за руки. — Ты, Максим, как всегда, за главного. Ну а мама тебе будет помогать.

Папа обнял нас и сильно прижал к себе.

— Чего молчите? Не грустите. Время пролетит быстро, и я уже буду дома. Глазом не успеете моргнуть.

— В том-то и дело, что время летит быстро, — сказал я. — А иногда хочется, чтобы оно шло медленней.

— Все хорошо. Мы очень рады, что у нас есть такой замечательный папа. Правда, Максим? — сказала мама, выйдя из своего транса. — Мы очень любим тебя и будем ждать с нетерпением твоего возвращения.

— Я рад, что все в порядке. А ты, Максим, не забудь то, о чем мы с тобой договаривались, — сказал отец и подмигнул мне.

— Не забуду.

— Это вы о чем? — спросила мама.

— Не волнуйся, мама. Все узнаешь, всему свое время.

— Ну и секреты у вас, ребята.

Мы обняли и поцеловали папу. Он тоже крепко прижал нас к себе и не отпускал где-то минуту.

— Я вас очень люблю и буду скучать, — сказал отец.

— Мы тебя тоже любим, — в один голос ответили мы.

— Ну все, мне пора. Позвоню, когда прилечу, — сказал папа и направился в сторону терминала для досмотра.

Мы с мамой провожали его взглядом до самого последнего момента, пока он не скрылся из нашего вида. Я очень переживал по поводу его перелетов, потому что в мою голову лезли плохие мысли. Вдруг случится авиакатастрофа, и это была наша последняя встреча. Папин самолет будет падать, и отец окажется там без нас в этот ужасный момент. До самого последнего мгновения он будет думать о нас, пока языки пламени не охватят его тело.

Я проснулся и резко встал с кровати. Снова мне приснился этот сон, эти ужасные воспоминания. Вот уже на протяжении года я вижу по ночам последний день перед катастрофой. Для меня это мучительные воспоминания — переживать это событие снова и снова. Но, с другой стороны, я радовался, что снова увидел маму и папу, даже если это только сон. Не мог я смириться со смертью моей мамы, несмотря на такие большие разрушения от метеорита. Во мне теплилась надежда, что она жива, только мы никак не можем встретиться. А про отца вообще ничего не известно. Когда произошла катастрофа, его самолет по времени еще находился в пути, и что произошло там, вдали от нашего города, никто не знал. Затронул ли метеорит всю Землю или только часто ее — для нас, жителей города, это было загадкой.

Я осмотрелся и никого не увидел в помещении: ни девушки, ни Боя. «Может мне и она приснилась?» — подумал я. Но мои сомнения развеялись, когда почувствовался холодок, который пробежал по моему телу. Дверь в наше жилище была открыта, а Бой точно не смог бы этого сделать. Поэтому я даже обрадовался, что вчерашняя встреча была наяву. Встав с кровати, выпил стакан воды и пошел на разведку.

В коридоре было практически темно, только аварийные лампы горели кое-где и освещали мне путь. Под потолком проходили толстые и тонкие трубы, видимо, коммуникации, которые и давали жизнь этому бункеру. Слышно было, как по ним пробегали крысы, цепляясь своими коготками за эти длинные цилиндры. По обеим сторонам коридора встречались железные двери. Некоторые из них были наглухо закрыты, раньше я пробовал их открыть, но у меня ничего не вышло. Или были заварены, или запорные механизмы со временем пришли в негодность. Другие поддались моим усилиям и пустили меня в комнаты, которые охраняли. Но ничего особенного там я не нашел: столы, стулья, кровати — все это было в плачевном состоянии, поэтому этой мебелью я даже не воспользовался. Главное помещение для нас с Боем, где были еда и вода, я открыл, и этого было вполне достаточно, чтобы хоть как-то существовать. Оно находилось в конце коридора, откуда сейчас и доносились звуки, и я пошел туда.

Подойдя ближе, увидел собачью голову, которая высунулась в дверной проем. Бой, конечно же, узнал меня и помчался навстречу.

— И давно ты уже проснулся, — сказал я, когда мой друг стоял на задних лапах, а передними толкал меня в грудь.

Я взял его за лапы и присел, Бой с жадностью бросился облизывать мне лицо.

— Да подожди ты. И слова не дашь сказать, — отбивался я от его лобызаний. — Хватит уже, хватит. Умыл мне лицо.

Я встал и заметил в дверях Соню. Бой подошел к ней, виляя хвостом, и она погладила его по голове.

— Уже подружились? — спросил я.

— Да, подружились. Это он ко мне с утра пришел знакомиться. Запрыгнул на матрас и улегся у моих ног. Боялась даже шевельнуться, чтобы не потревожить.

— Значит, понравилась ему, — сказал я, и мы вошли в большое

помещение, склад, как я его называл, потому что здесь были и вода, и запасы еды, которыми мы пользовались.

— На экскурсию решила сходить, осмотреться. А Бой за мной пошел, — начала Соня.

— Молодец! Охранял! — сказал я и потрепал пса по голове.

— От кого? От крыс, что ли? Так я их не боюсь.

— Ну, мало ли еще от кого. Найти бункер — дело времени. А наверху всяких хватает тварей, — сказал я, подразумевая под этим словом не только плотоедов, но и людей.

Девушка вышла на середину этого большого помещения и начала осматриваться. Высокий потолок, до шести метров, где находилось три больших вентилятора, которые, естественно, не работали. Вдоль стен, в самом верху, огромные вентиляционные трубы, уходящие в конце помещения в этот потолок, две большие бочки, из которых с помощью краников, вмонтированных в них, я, собственно, и набирал воду. Также стояли стеллажи, на полках которых были мешки с крупами, сахаром, солью и, конечно же, тушенка.

— Так ты здесь хорошо устроился, — сказала Соня. — И тепло, и еда есть, все, как у нас.

— А как у вас?

— Да так же. Крупы, тушенка — все это у нас есть, только воды нет.

— А как же вы без воды?

— В лес ходим. Там речка, вот и набираем воду.

— Ну да. У меня здесь все на месте.

— И давно вы здесь живете? — спросила она и подошла ко мне поближе.

— Около года. Прошлым летом нашли этот бункер. Наверное, из-за того, что завод на окраине города, сюда никто и не заходит. Поэтому мы здесь первые и единственные жильцы. И очень рады видеть тебя в гостях у нас.

— В гостях хорошо, а дома лучше. Кстати, мне уже пора идти, а то я что-то задержалась, — сказав это, Соня направилась к выходу.

— Подожди!.. Что, вот так и пойдешь?

— А что такое? — обернулась она.

— Ни еды с собой, ни воды, да и оружие не помешало бы, а то путь неблизкий и опасный.

— А что, у тебя и оружие есть?

— Есть.

Мы вернулись в мое жилище. Бой сразу запрыгнул на матрас и растянулся на нем. Я подошел к большому деревянному ящику, который стоял в углу, и открыл его. В нем лежали мечи, сабли, кинжалы и даже арбалет. Соня взяла в руки именно его.

— Ого. И где это ты столько взял? — спросила она, рассматривая арбалет.

— В музее. Мы с Боем были как-то в том районе и нашли все это. Не пропадать же такому добру, а оно как раз кстати, вот и взяли с собой.

— А эта штука хорошая, — сказала Соня, посмотрев в прицел арбалета. — Рабочий?

— Да. Стреляю иногда из него, когда беру на охоту.

— И стрелы есть?

— Конечно. Вот они. Десять штук осталось. Еще и самодельные есть, сам вырезал, — сказал я и достал деревянные палочки, заостренные на конце.

Соня взяла одну стрелу и зарядила ее в арбалет. Подошла к пустым пластиковым бутылкам и одну из них положила на ящики горлышком в свою сторону. Отошла к стене и спросила меня:

— Можно?

Я дал ей свое согласие кивком головы. Она прицелилась и нажала на курок. Стрела вылетела мгновенно и, пролетев сквозь узкое горлышко бутылки, пробила себе путь через ее дно. Остановила снаряд стена, о которую стрела и сломалась. Бой, успевший уже уснуть, резко вскочил и залаял.

— Ничего себе. Вижу, ты мастер в этом деле. Где научилась так стрелять? — с удивлением спросил я.

— На историческом факультете. У нас там сообщество единомышленников было, которые помешались на Средневековье. Вот и делали различные мечи, луки, арбалеты, кольчуги и проводили турниры.

— Значит, ты историк?

— Да. С детства увлекалась историей. Всегда копалась в песочнице в надежде найти какой-нибудь клад или кость динозавра. И ты знаешь, находила кости, правда, не рептилии какой-нибудь, а всего лишь

припасы дворовой собаки.

— А я в техническом университете учился. Пошел по стопам отца.

— А кто у тебя отец? — спросила Соня и присела на матрасы рядом с Боем, который тотчас положил ей на колени свою голову.

— Инженер. Строил мегасооружения: небоскребы, мосты, заводы.

— А где он сейчас?

— Даже не знаю, что с ним. В день катастрофы он улетел в очередную командировку, и больше я его не видел, — сказал я с грустью.

— А мама?

— А мама... мама пропала без вести. Я ее тоже больше не видел после катастрофы. Где только ни искал.

— Сочувствую тебе, — сказала она искренне и посмотрела в мои глаза. И ее взгляд показался мне таким родным, близким, теплым, что у меня появилось желание прильнуть к ней своей головой и больше никогда не отходить.

— Ну что ж. Давай собираться, — сказал я, сбросив с себя грустное настроение.

— Собираться? — удивленно спросила она.

— Ну да. Ты же сама говорила, что тебе нужно быстрее попасть обратно, в военный городок.

— Говорила. Но я имела в виду, что иду одна.

— Одна? Но там же...

— Плотоеды и бандиты? — перебила она меня. — Так я их не боюсь. Сумею за себя постоять, не маленькая девочка. Тем более у меня есть вот что, — сказала Соня и подняла с кровати арбалет. — Если ты, конечно, не против.

— Не против, но одну я тебя не отпущу, — сказал я строго, словно отец дочери.

— Послушай, Максим. Я не хочу тебя ввязывать в эту переделку, не хочу, чтобы ты еще, не дай бог, погиб из-за меня. Это мое личное, зачем тебе рисковать? Дорогу я и сама найду, город знаю. Думаю, за день доберусь, а если нет, то переночую где-нибудь и продолжу путь.

— Я иду с тобой, и точка. Проведу тебя до военного городка, и там делай что хочешь, а сам вернусь. Тем более, я давно уже хотел выбраться в город, вот и прогуляюсь.

— Ну и упрямый же ты, — сказала Соня и встала с кровати.

Мы начали собираться в дорогу. Взяли с собой шесть банок тушенки и гречку, которую я вчера варил. Воду налили в две литровые пластиковые бутылки, может, взяли бы и больше, но уже не было тары, поэтому пить предстояло понемногу. Все это мы положили в наплечные сумки, которые фиксировались на поясе. Из оружия я взял с собой меч, который расположил у себя за спиной в специальном чехле, а также кинжал и складной нож. Соня, естественно, прихватила с собой арбалет и стрелы к нему, в том числе и мои самодельные. Во время наших сборов Бой все время крутился возле нас, понимая, что мы сейчас поднимемся наверх, а он очень любил прогулки, впрочем, как и любая другая собака. Собравшись, мы присели на дорожку, чтобы обдумать заодно и план наших дальнейших действий. Так как Соне нужно было быстрее добраться до военного городка, мы решили пойти через город, потому что через лес получался большой крюк. Тем более она боялась снова попасть в засаду. Соня не сомневалась в том, что отец отбил от плотоедов и добрался до подземного склада. Но он точно не сидит на месте и ищет ее, как она сама говорила, поэтому не нужно терять ни минуты и пора отправляться в путь.

— А где здесь можно сходить в туалет? — спросила Соня.

— Ну, мы обычно на улице ходим, но если сильно захотелось, то налево по коридору ближе к лифту большая бутылка стоит. Можешь туда, если невтерпеж.

— Поняла, — сказала она, поднявшись с кровати, и направилась туда.

Бой хотел пойти за ней, но я придержал его.

— Сидеть, Бой. Мальчики пока остаются здесь.

Прошло где-то минут пять, а Сони все еще не было. Я подождал столько же и решил пойти проверить. Вышел из комнаты и направился в сторону лифта, Бой пошел следом за мной.

— Соня! — крикнул я негромко, но услышал лишь глухую тишину. Только крысы забежали по трубам, испугавшись моего голоса и лая Боя, который, видимо, тоже пытался позвать ее.

— Соня, ты уже все? — спросил я, подходя медленно, чтобы не испугать ее. Но никакого ответа не последовало.

Мы подошли к повороту, за которым был лифт. Возле него стояла пустая бутылка, которая была на том же месте, где я ее и оставлял.

— Да где же она, заблудилась, что ли? — сказал я, посмотрев на Боя.

— Соня, ты где?

Бой подошел к лифтовой шахте и посмотрел наверх. И тут я заметил, что лифт находился там, куда устремился взгляд моего пса, и сразу все понял.

— Вот блин, все-таки сбежала.

Выйдя из лифта, я осмотрелся вокруг, но никого не заметил.

— Соня! — крикнул я, но ответа не было. — Вот же упертая. Спасли ее, а она еще поступает с нами так.

Бой что-то вынюхивал на земле, а потом направился по тропинке в сторону дороги. Выйдя на нее, он остановился и смотрел то в одну сторону, то в другую.

— Точно, Бой. Ищи, — сказал я, сообразив, что он вынюхивает ее след.

Пес пошел сначала в сторону леса, но потом остановился и посмотрел обратно.

— Бой, точно в лес пошла? — спросил я, сомневаясь в направлении, выбранном им. — Мы через город собирались идти.

Он постоял еще немного, прислушиваясь и принюхиваясь, а потом резко рванул в сторону города.

— Подожди, Бой, не спеши, — сказал я и поторопился за ним.

Я шел быстрым шагом, чтобы успевать за моим псом. Для меня было где-то трудновато пробираться через завалы, а он без проблем перепрыгивал через различные препятствия и пролазил в узкие проходы. Хотя я был в отличной форме и мог также прыгать и бегать, но сейчас здесь важную роль играл размер. Бой словно нырял в воду, а мне только нужно было поспевать смотреть, куда он повернул. Здесь было очень много препятствий: бетонных стен, разрушенных от ударной волны, разбитых грузовых автомобилей, покрытых слоем пыли, различных металлических конструкций — все это некогда атрибуты промышленности нашего города. Пробежали мы с ним так метров двести, а потом он замедлился.

— Бой, что такое? Она рядом? — спросил я его.

Пес поднял голову и посмотрел на меня, как будто сказал «да», после опустил ее и продолжил нюхать, медленно двигаясь вперед. Потом он резко остановился, прислушался и начал рычать. Мы обминули большой обломок стены и увидели Соню. Но она была не одна. Вокруг нее собралась свора собак, готовых растерзать ее в любую минуту. Глаза их были налиты яростью, а оскал показывал острые как бритва зубы. Они были голодные, поэтому изо рта не останавливаясь текла